

Полева Н.С. От идентификации к идентичности

ПОЛЕВА Н.С. ОТ ИДЕНТИФИКАЦИИ К ИДЕНТИЧНОСТИ

English version: [Poleva N.S. From identification to identity](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Идентификация является одним из основных механизмов развития личности и механизмом построения идентичности. При этом идентичность – это не простая сумма всех идентификаций человека, а «гештальт», конструкт, результат отбора, структурирования и переконструирования наиболее значимых идентификаций. Идентичность – сложная динамическая структура, которая подлежит постоянной верификации, что особенно важно в ситуации транзитивности. Идентификация является важной составной частью и этапом формирования идентичности. Процессуальность формирования идентичности в течение всей жизни человека предполагает возникновение новых идентификаций, которые поставляют «материал» для конструирования идентичности, подлежащей постоянной верификации, подтверждению и/или модификации уже сложившихся структур. Идентификация всегда выступает в диаде «идентификация – обособление», которая регулирует баланс персональной и социальной идентичности в дискурсе «социализация – индивидуализация», что ведет к рассмотрению проблемы индивидуальных траекторий идентификации как составной части индивидуальной формы социализации, которая начинает формироваться и проявляться уже в дошкольном возрасте. Тот или иной тип стратегии идентификации и конструирования идентичности находит свое воплощение и опознается в индивидуальном проявлении. При всей условности любой типизации выделение типологий стратегий идентификации и построения идентичности позволяет выявить и понять основные механизмы и детерминанты, которые в реальной жизни человека индивидуализируются тем или иным способом, складываясь в индивидуальную стратегию личности. Ни одна из идентичностей человека современного транзитивного мира, ни вся совокупность идентичностей не исчерпывают полностью понятие личности. Поэтому идентичность является конструктом, требующим объяснения и привлечения для этого дополнительных теорий, психологических моделей и конструктов (психология смыслов, конструкт психологического хронотопа и др.).

Ключевые слова: идентичность, идентификация, индивидуализация, социализация, индивидуальные траектории идентификации, индивидуальные траектории построения идентичности

– Ты кто? Объясни себя.

– Я не знаю, кто я сейчас, сударыня.

По крайней мере, я знаю, кем я была сегодня утром, когда проснулась, но с тех пор я уже несколько раз изменилась.

В условиях транзитивности современного мира «текучая» социализация закономерно смещает акцент с идентичности как результата на процессуальность, постоянное конструирование / переконструирование идентичности и отдельных ее компонентов. Эриксон считал, что «эго-идентичность» характеризуется по действительно достигаемому, но *всегда пересматриваемому* чувству реальности «Я» в социальной реальности [Эриксон, 1996, с. 220–221].

Эриксон писал, что формирование идентичности протекает большей частью подсознательно, за исключением тех случаев, когда внутренние условия и внешние обстоятельства усиливают болезненное или восторженное «сознание идентичности» [Эриксон, 1996, с. 32]. Впервые возникнув в период основных новообразований (рефлексии) подросткового возраста, этот вопрос актуализуют ситуации, связанные с выбором жизненного пути, поиски или потеря смысла собственной жизни, смена профессиональной деятельности, чувство заброшенности и одиночества и т.д.

Таким образом, формирование идентичности становится не только задачей, связанной с переходом с одного этапа психосоциального развития на другой и преодолением возрастных кризисов, но и задачей на идентичность, которая актуализируется в различных жизненных ситуациях и социальных контекстах и сопровождает человека в течение всей его жизни [Андреева, 2000]. Отмечая важность периода отрочества в формировании идентичности, Эриксон подчеркивал, что преодоление возрастных кризисов развития не исключает «возвращение некоторых форм кризиса идентичности на более поздних стадиях жизни» [Эриксон, 1996, с. 146]. Поэтому наибольшую значимость для социализации в современном транзитивном обществе приобретает понимание идентичности как процесса и сам процесс идентификаций, к которому обращается человек на своем жизненном пути, выбирая и выстраивая свои индивидуальные траектории идентификации.

«Идентификация – обособление» – «социализация – индивидуализация»

Введенный З.Фрейдом термин «идентификация» рассматривается как один из основных механизмов развития личности и социализации, а также как механизм образования человеческих общностей и групп. Психологической конверсивой идентификации становится обособление (отчуждение). Если Фрейд только указывает на амбивалентный характер идентификации, то К.Г.Юнг уже рассматривает идентификацию как отчуждение субъекта от самого себя в пользу объекта, противопоставляя идентификации процесс индивидуации: «Под идентификацией я подразумеваю психологический процесс, в котором личность оказывается частично или полностью *диссимилированной*» [Юнг, 1995, с. 517–518].

В теории Э.Фромма две базовые человеческие потребности – потребность в укорененности (принадлежности) и обособлении (отчуждении) синонимичны понятиям идентификации – обособлению. При этом потребность в принадлежности, установлении связи с окружающим миром и другими людьми оценивается Фроммом как важнейшая человеческая потребность, составляющая самую сущность человеческого бытия. Процесс обособления (отчуждения) человека от сил природы и общества называется им индивидуализацией и связывается с осознанием человеком своей свободы и независимости, осознанием себя как отдельной сущности. Так же как и Юнг, Фромм считает деперсонализацию, отказ от индивидуальности и целостности человеческого Я следствием идентификации человека с социальными ролями и ценностями. [Фромм, 1998].

«Идентификация – отчуждение» в паре образуют двуединый процесс. Гиперболизация какой-либо одной из сторон ведет к деперсонализации и потере Я. Дихотомия «идентификация – отчуждение» поляризуется по принципу «или-или» – чем интенсивнее идентификация, тем слабее обособление и наоборот. Эта дихотомия отмечается и К.Мангеймом: «Чем более индивидуализированы люди, тем труднее достичь идентификации» [цит. по Тоффлер, 2004, с. 349].

Значимость детского возраста в развитии личности подчеркивают представители разных психологических школ и направлений. Доминирование идентификации как основного механизма развития на ранних этапах онтогенеза связано не только с большой эмоциональной нагруженностью этого процесса, но и с тем, что идентификация является необходимым условием и предпосылкой возникновения обособления (отчуждения), так же как и условием интернализации (интериоризации) социальных норм, правил и ценностей. Дифференциация и обособление себя от других людей, возрастающая самостоятельность, ведет к осознанию ребенком себя как источника своей собственной активности и действий, отличных от других людей.

К.Г.Юнг подчеркивает, что *идентификация содействует развитию личности, пока индивидуальный путь еще не проложен*. Как только открывается возможность индивидуального пути развития, идентификация становится фактором, задерживающим развитие личности настолько, насколько до этого она бессознательно содействовала подъему и росту. Согласно теории Юнга, на этом этапе идентификация ведет к диссоциации личности, расщепляет ее на две частичные личности, препятствуя обретению целостности. Таким образом, период идентификации Юнг рассматривает не только как предваряющий, но и необходимый этап на пути индивидуации (личностного развития и обретения целостности) [Юнг, 1995].

Таким образом, значимость идентификации по мере взросления человека уменьшается, а значимость отчуждения и вместе с ним и индивидуализации, наоборот, увеличивается, достигая максимума в период зрелости и вновь снижаясь к старости (за исключением случаев, связанных с кризисом идентичности). Отметим, что хотя процессы идентификации в более поздние периоды не несут столь глобального значения как в детстве, они продолжают играть свою роль в построении идентичности. Это связано с тем, что процессы социализации и формирования идентичности продолжаются на протяжении всей жизни человека.

Идентификация и идентичность

Подчеркивая общий лингвистический и психологический корень понятий «идентичность» и «идентификация», Эриксон считал неправомерным сводить понимание идентичности к простой сумме ранних идентификаций. Ограниченность механизма идентификаций становится, по мысли Эриксона, очевидной в том, что никакие детские идентификации, поставленные в ряд, не могут вылиться в нормально функционирующую личность. *Формирование идентичности начинается там, где идентификация становится непригодной*. Идентичность «...вырастает из избирательного отказа от одних и взаимной ассимиляции других детских идентификаций и их объединения в новую конфигурацию, которая в свою очередь определяется процессом, посредством которого общество (часто через субкультуры) идентифицирует индивида с тем, кем... он должен стать» [Эриксон, 1996, с. 170].

Идентичность – это всегда выбор, селекция, избирательность, рефлексивность, конструирование нового «гештальта». Кристаллизовавшаяся к концу отрочества идентичность включает в себя все значимые идентификации, но в то же время и изменяет их, создавая единую связанную целостность [Эриксон, 1996]. Формирование идентичности в подростковом возрасте у Эриксона совпадает со «вторым рождением личности» в подростковом возрасте в теории А.Н.Леонтьева, когда возникает сознательная личность и предполагается «какая-то особая перестройка сознания» [Леонтьев, 1975, с. 211]. Два «рождения личности» Д.А.Леонтьев рассматривает как критические точки прогрессирующей эмансипации личности от симбиотических связей, при этом «второе рождение» интерпретируется им как смысловая эмансипация, индивидуализация мировоззрения, формирование личностной автономии [Леонтьев, 2002].

Теория социальной идентичности А.Тэшфела [Tajfel, 1974] также выделяет идентификацию как *этап* в построении идентичности, разводя понятия «идентификация» как процесс, который

включает в себя три компонента – когнитивный, ценностный и эмоциональный, и «идентичность» как результат этого процесса.

Несколько подробнее остановимся на особенностях идентификаций первичной и вторичной социализаций, выделенных в теории социального конструирования реальности П.Бергера и Т.Лукмана [Бергер, Лукман, 1995]. Подчеркивая значимость первичной социализации, авторы рассматривают идентификацию со значимыми другими, прежде всего с родителями, и интернализацию как два взаимосвязанных процесса, составляющих основное содержание первичной социализации. Мир, который интернализирует ребенок, – это мир его родителей. Любые идентификации этого возраста возможны лишь в ограниченных пределах того социального мира, в котором находится ребенок с момента его рождения. Решающей фазой первичной социализации становится формирование в сознании «обобщенного другого», когда устанавливается *относительное соответствие* между объективной и субъективной реальностями. Оно никогда не бывает полным и статичным, а *всегда создается и воссоздается, находясь в состоянии непрерывного балансирования*. Благодаря этой обобщенной идентификации собственная самоидентификация ребенка приобретает стабильность, непрерывность и целостность.

Согласно определению Бергера и Лукмана, идентификация в первичной социализации является предопределенной – «квазиавтоматической», а интернализация – «квазинеизбежной», поскольку у ребенка нет выбора значимых других. Интернализуемый мир особой реальности значимых других является *единственно возможным, единственно существующим и мыслимым*, а не одним из множества существующих миров. Отметим, что даже эта предопределенность первичной социализации не исключает возможность индивидуализации, начала формирования индивидуальных форм социализации, направленных на развитие и реализацию собственной активности, своих реальных и потенциальных возможностей в социально заданном контексте. Уже в дошкольном возрасте начинают постепенно структурироваться и проявляться особенности индивидуальных стратегий идентификации и индивидуальные формы социализации [Марцинковская, 2010, с. 235–282].

Вторичные социализации характеризуются интернализацией «других» миров, которых *много*, в отличие от «базисного мира», приобретенного в процессе первичной социализации. С возросшей вариативностью других реальностей возрастает и вариативность ролевого репертуара, когда объектами идентификации становятся различные роли и соответствующие им нормы. Если интернализации первичной социализации не могут происходить без эмоционально заряженной идентификации ребенка со значимыми другими, вторичная социализация по большей части может происходить без нее и протекать эффективно лишь на фоне взаимной идентификации, которая является составной частью любой коммуникации между людьми. Особенностью идентификаций вторичных социализаций является возрастающая роль выборов, связанных с расширением социального пространства личности, множественными реальностями и увеличением круга значимых других. Направленность этих выборов показывает, что именно является объектом идентификационного выбора (или объектом контридентификаций) и источником самореферентности как тождества со своей личностью. По мере взросления и растущей автономности личности возрастает и значение рефлексии в формировании идентичности, что предполагает субъективную интерпретацию личного настоящего, прошлого и будущего непротиворечивым образом. При этом каждый акт идентификации осуществляется из *некоторой позиции* и вписан в определенную жизненную траекторию человека [Климов, 2001, с. 68]. Поэтому идентификационные выборы детерминированы не только социальным контекстом, но и этой внутренней позицией. Здесь можно говорить о сложившейся субъективной картине мира, идентификационной матрице, субъективной составляющей психологического хронотопа как внутренних детерминантах индивидуальных идентификационных стратегий.

Высокая вариативность и множественность выборов, характерная для современного транзитивного общества, оборачивается для личности не только гнетом сверхвыбора. Множественная идентичность – это и *возможность выбора способа реализации своего Я* при сохранении

целостности идентичности, особенно в ситуации фрустрации одной из идентичностей или в ситуации свободного личностного выбора варианта из «лабиринта идентичностей». Примером может служить ситуация выхода человека на пенсию (особенно для мужчин) или творческая биография Леонида Парфенова. В своем интервью Ю.Дудю (<https://www.youtube.com/watch?v=t6i4E1ZV1K0&t=223s>) Парфенов рассказал, что нашел свою нишу творческой реализации в близкой для себя и созвучной индивидуальным интересам области – области культуры и истории, когда был лишен возможности заниматься своим ремеслом, в котором был успешен и востребован, создавая общественно-политические программы на телевидении. Совет Парфенова – «играть на разных барабанах» – является стратегией множественной идентичности, стратегией диверсификации рисков возможных деприаций путей реализации своего «миропроекта», связанных с социальным контекстом.

Таким образом, дискурс «идентификация – обособление» переходит в дискурсы «социализация – индивидуализация» и «социальная идентичность – личностная идентичность», что с неизбежностью приводит к проблеме изучения индивидуальных стратегий построения идентичности, индивидуального пути развития [Белинская, Дубовская, 2009; Дубовская, 2014].

Типология воплощается и опознается в индивидуальном проявлении

Рассмотрение проблемы индивидуальных стратегий идентификации (и построения идентичности) предполагает наличие различных уровней детерминации. Первый уровень связан с общими закономерностями психической жизни человека. Синергетический потенциал на этом уровне активизируется направленностью на эмоциональное благополучие и поддержание психического здоровья. Второй уровень опосредован культурными и индивидуальными трансляторами. Его отличает направленность на осознание собственной самобытности, ценности и уникальности, самореализацию и поиск смысла. Именно это задает индивидуальные траектории развития, формирование оптимального для себя стиля жизни, способствуя индивидуализации представлений о себе и окружающем, в том числе определяя индивидуальные стратегии идентификации [Марцинковская, 2015, с. 33–34; Марцинковская, 2017].

Типология основных стратегий идентификации и построения идентичности основывается на выборе различных объектов идентификации, по которым можно судить о доминирующем уровне детерминации, направленности на адаптивность и эмоциональное благополучие или на осознание собственной уникальности, поиск и реализацию личностных смыслов. Тот или иной тип стратегии, тип идентичности находит свое воплощение и опознается в индивидуальном проявлении. Как правило, выделяют две основные стратегии.

Когда человек выбирает группу в качестве объекта идентификации, доминирующей выступает *стратегия социальной идентичности*. Соответственно выбранным группам и ролям как объектам идентификации человек определяет себя через идентификацию с группой (группами). Стратегия социальной идентичности отражается в самоописаниях и самовосприятии личности как образа своего Я, когда представления о себе соотносятся с образом Я как его видят другие. Эти социальные представления зависят от контекста и ситуации коммуникации. По мнению Д.А.Леонтьева, именно они и создают лабиринт идентичностей человека [Леонтьев, 2009, 2012]. Выбранная стратегия, как правило, создает угрозу отказа (полного или частичного) человека от собственной личности, то что Э.Фромм определял термином «бегство от свободы». Такое стремление к идентификации с группой наблюдается часто в экстремальных ситуациях, когда личность «регрессирует» к эволюционно более раннему Мы. При этом личность отказывается от того, что приобрела в течение своей жизни в процессе обособления (отчуждения) и «сливается» в спасительном Мы.

Второй тип представляет собой выбор стратегии личностной идентичности. Эта стратегия предполагает, согласно Д.А.Леонтьеву, постепенное смещение баланса идентичностей к доминированию личностной составляющей, повышение эмансипации, самостоятельности и автономности. В традиции теории Э.Фромма стратегия личностной идентичности трактуется как самоидентичность – формирование аутентичной концепции своего Я, собственной внутренне согласованной системы ценностных ориентаций и картины мира, высокий уровень автономности, которые дают возможность личности определить себя как «Я – это Я» и «Я несу ответственность за свои действия». Идентификация со своим Я, возможность самоотождествления требует от личности высокого уровня рефлексивности и селективности, установления гибких границ между Я, «мое» и не-Я, «не мое», что позволяет отграничивать себя от другого (других), избавляться от различных форм симбиотических зависимостей и одновременно расширять свои границы, включая в «свое» новые компоненты, созвучные собственному Я. Выбор стратегии личностной идентичности предполагает и преемственность себя во времени, возможность проектировать себя и нести ответственность, что обеспечивает тождественность самому себе [Леонтьев, 2009, 2012].

В контексте концепции компенсаторных иррациональных реакций В.А.Куренной [Куренной, 2013] рассматривает выбор партициптивной идентичности как компенсаторного механизма, который активизируется в ситуации высокой неопределенности. В отличие от человека традиционного общества современный человек часто затрудняется с ответом на вопрос «Кто Я?». Включенность современного человека в сложно структурированные системы взаимодействия и выполнения множества социальных ролей (лабиринт идентичностей) выливается в перманентный кризис идентичности [Андреева, 2011]. Субъективно кризис может проявляться в самых разных формах и на разных уровнях – от проблем выбора жизненных траекторий до чувства заброшенности и вопроса смысла жизни. «Простым» и быстрым способом преодоления этого кризиса выступает стратегия выбора партициптивной (включающей) идентичности, которая имеет две формы – функциональную и сегментивную. Функциональная партициптивная идентичность предполагает идентификацию с социальной ролью и совпадает с системой выполняемых человеком социальных ролей (отец, журналист, покупатель). Ощущение определенности и предсказуемости дает человеку понимание того, что он должен делать, как себя вести и что от него ожидают окружающие в соответствующей ситуации. Г.М.Андреева справедливо подчеркивала, что социальная идентичность – это скорее то, *что индивид делает* с его позиции в социальной структуре, которая определяет его идентичность [Андреева, 2000, с. 181].

Сегментивная партициптивная идентичность строится на противопоставлении «свой – чужой» и может иметь как религиозный, так и государственный и национально-этнический характер. С этим связана актуализация в современном мире запроса на религиозность и национализм. Стремлением справиться с растущей неопределенностью и рациональной сложностью современности, найти быстрое и простое решение возникающих проблем объясняется также актуализацией компенсаторного запроса на порядок, стабильность и предсказуемость. В политическом плане – это запрос на диктатуру. В социальном – это повышение спроса на то, что помогает обрести устойчивость и «проверено временем» – интерес к повседневной жизни с ее рутинными ритуалами или повышение интереса к культуре и искусству [Куренной, 2013].

Альтернативой стратегии партициптивной идентичности выступает выбор стратегии биографической идентичности как конструирования своего индивидуального жизненного пути, когда личность идентифицируется сама с собой, используя различные нарративные практики, включая Интернет. Объектами идентификации при этом становятся собственные чувства и переживания, различные события и факты, которые происходят или происходили в прошлом. Ранее техниками формирования биографической идентичности служили дневники и воспоминания, просмотр фотографий семейного альбома, актуализирующий прошлое человека. Современными формами реализации этой стратегии служат профили и ленты социальных сетей, ведение блогов. Facebook, реагируя на такой запрос пользователей, меняет свой интерфейс, введя в 2011 году так называемый Timeline, чтобы сделать линию жизни пользователя более наглядной [Куренной, 2013]. Можно рассматривать Timeline как своего рода визуализацию психологического хронотопа

личности, отражающего ее субъективные пространство и время (прошое, настоящее и частично будущее).

В поисках личности / субъекта

Начиная с 70-х годов XX в. понятие идентичность становится доминирующим в психологии, дополняя или заменяя такие понятия для психологии личности как «самость», «Я-концепция» и «образ-Я». Размытость определения «идентичность» встречается уже в работах Эриксона. Используя его в различных смыслах, Эриксон относит «идентичность» то к сознательному чувству уникальности личности, то к бессознательному стремлению к непрерывности жизненного опыта, то к солидаризации с идеалами группы [Эриксон, 1996, с. 218]. Эриксон рассматривает идентичность как центральную *составляющую Я*, подчеркивая, что «*в человеческой сущности есть многое, кроме идентичности... в каждом индивиде действительно есть его «Я», есть центр сознания и воли...»* [Эриксон, 1996, с. 146]. «Личность индивида *включает в себя, не исчерпываясь этим, сумму всех последовательных идентификаций...»* более ранних периодов [Эриксон, 1996, с. 97]. В концепции Тэшфела и Тернера [Tajfel, Turner, 1986] идентичность также часть Я-концепции [Андреева, 2000; Белинская, 2015; Стефаненко, 2001].

Таким образом, личность не исчерпывается понятием идентичности и не является совокупностью множественных идентичностей. Открытым остается вопрос – что является «центром сборки», что осуществляет синтез, интегрирует идентификации и перестраивает «гештальт», конструируя идентичность, что (кто) осуществляет выбор индивидуальных стратегий построения идентичности – Эго, Я, Самость, экзистенция?

Эриксон как представитель эго-психологии наделяет функцией синтезирования и интеграции такую структуру личности как «Эго». Главной причиной первоначального названия идентичности именно «Эго – идентичностью» было убеждение Эриксона в том, что *главным внутренним фактором, обеспечивающим избирательное выделение значимых идентификаций на всем протяжении детства и постепенную интеграцию образов Я*, которая достигает кульминации в чувстве идентичности, *является Эго* [Эриксон, 1996, с. 219].

В контексте обсуждаемой проблемы особый интерес вызывает *теория развития Эго* Джейн Лёвинджер [Loevinger, 1976]. Выделяя понятие «Эго» как основу своей теории, Лёвинджер разрабатывает свой подход на стыке психологии личности и психологии развития. Источником и отправной точкой своего подхода она считает теорию Адлера, который первым отстаивал главенствующую роль Эго. Развитие Эго в теории Джейн Лёвинджер – это *постепенное обретение большей автономии и личностной зрелости*, становление субъектности. Значимой представляется и идея Лёвинджер о том, что *Эго не тождественно личности в целом*, а скорее близко к тому, что человек мыслит как свое Я при взгляде изнутри [Леонтьев, 2011, с. 59–74].

С точки зрения Д.А.Леонтьева *источником активности и центром отсчёта мира человека является его собственное Я*, если он ищет основание самоидентификации в «самостоянии», осознании себя как автономной сущности («Я – это Я»), как некой точки в мире, единственной и уникальной, которое Я занимает в мире и которое не занимает никто другой. Идентичность человека, ощущающего свой внутренний центр вне любых словесно формулируемых идентичностей, перестает быть проблемой, так как человек разрешает конфликты идентичностей посредством конструирования своего Я, самого себя своими ценностями, а не процессами, происходящими наоборот. Согласно выводам Д.А.Леонтьева, автономная личность, имеющая в себе точку опоры, независимую от того, в каких социально-ролевых категориях или индивидуальных характеристиках она себя описывает (в отличие от представителя некоего множества социальных групп и общностей), может дать ответ на вопрос «кто Я?» и способна решить проблему множественных, неустойчивых и нередко конфликтных идентичностей современного человека [Леонтьев, 2009, 2012].

Имплицитно такое автономное Я содержится в типологии индивидуальных стратегий конструирования идентичности в ситуации транзитивности, предложенной Т.Д.Марцинковской [Марцинковская, 2015, с. 126–128]. Возможная вариативность выборов рассматривается в плоскостях двух континуумов социального пространства – «конформность – независимость» и «пассионарность – пассивность». Предложенная типология выделяет четыре основные стратегии – идентификацию человека со сложившейся системой ценностей и эталонов и стремление к ее сохранению; идентификацию с устойчивыми к внешним трансформациям ценностями культуры, науки и искусства; идентификацию с собственным уникальным Я с ориентацией на поиски смысла, целей и ценностей своей собственной жизни; достижение гармонии со своим внутренним миром через конструирование и переконструирование социального пространства.

Искомые личность и субъект соотносятся с континуумом «конформность – независимость». По оси «интенциональность – пассивность» эти понятия сближаются, что делает возможным возникновение дискурса *индивидуализации* процесса конструирования идентичности. Можно предположить, что личностная автономность, активность и интенциональность соотносятся с субъектностью как индивидуальным «авторством» собственного выбора и действий, направленных на их реализацию. Таким образом, именно индивидуализация обеспечивает высокую интенциональность и вариативность выборов ее реализации, что находит свое воплощение в индивидуальных идентификационных стратегиях, выборе стратегий конструирования идентичности и «индивидуальных формах социализации» [Марцинковская, 2010, с. 235–282].

Заключение

Как один из основных механизмов развития личности, идентификация является и механизмом построения идентичности. При этом идентичность не сводится к простой сумме всех идентификаций человека, а является скорее «гештальтом», конструктом, результатом отбора, структурирования и переконструирования наиболее значимых идентификаций. Идентичность – это сложная динамическая структура, которая подлежит постоянной верификации, что особенно важно в ситуации транзитивности. Идентификация является важной составной частью и этапом формирования идентичности. Процессуальность формирования идентичности в течение всей жизни человека предполагает все новые и новые идентификации, которые поставляют «материал» для конструирования идентичности, подлежащей постоянной верификации, подтверждению и / или модификации уже сложившихся структур.

Идентификация всегда выступает в диаде «идентификация – обособление», которая регулирует баланс персональной и социальной идентичности в дискурсе «социализация – индивидуализация» и ведет к рассмотрению проблемы индивидуальных траекторий идентификации как составной части индивидуальной формы социализации, которая начинает формироваться и проявляться уже в дошкольном возрасте.

Тот или иной тип стратегии, тип идентичности находит свое воплощение и опознается в индивидуальном проявлении. При всей условности любой типизации выделение типологий стратегий идентификации и построения идентичности позволяет выявить и понять основные механизмы и детерминанты, которые в реальной жизни человека индивидуализируются тем или иным способом, складываясь в индивидуальную стратегию личности.

Ни одна из идентичностей человека современного транзитивного мира, ни вся совокупность идентичностей не исчерпывают полностью понятие личности. Таким образом, идентичность не может в силу своей ограниченности служить объяснительным конструктом психологии личности. Идентичность – конструкт, требующий объяснения и привлечения для этого дополнительных теорий, психологических моделей и других конструктов (психология смыслов, конструкт психологического хронотопа и др.). Понимание индивидуализации личностного развития,

индивидуальных форм социализации, вариативности индивидуальных стратегий конструирования идентичности предполагают, помимо учета социального контекста, наличие некой «точки отсчета» – субъектного / личностного начала, связанного со степенью автономности, активности и интенциональности, которое проявляется в осознанном выборе.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-06-00077-ОГН18 «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

Литература

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000.

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. Психологические исследования, 2011, No. 6(20). <http://psystudy.ru>

Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? Психологические исследования, 2015, 8(40), 12. <http://psystudy.ru>

Белинская Е.П., Дубовская Е.М. Изменчивость и постоянство как факторы социализации личности. Психологические исследования, 2009, No. 5(7). <http://psystudy.ru>

Бергер П., Лукман Т. [Berger P.L., Luckmann T.] Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности. Психологические исследования, 2014, 7(36), 7. <http://psystudy.ru>

Климов И.А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности. В кн.: Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 54–81.

Куренной В.А. Иррациональная сторона рационального. Отечественные записки, 2013, 1(58), 70–78.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев Д.А. Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире. В кн.: Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнетворчества. Кемерово: ИПК Графика, 2002. С. 3–34.

Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека. Философские науки, 2009, No. 10, 5–10.

Леонтьев Д.А. Подход через развитие Эго: уровневая теория Дж. Лёвинджер. В кн.: Личностный потенциал. Структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 59–75.

Леонтьев Д.А. Идентичность личности в полисоциальном мире. Философские науки, 2012, No. 11, 89–105.

Марцинковская Т.Д. (Ред.). Концепции социализации и индивидуализации в современной

психологии. М.: ИГ–СОЦИН, 2010.

Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.

Марцинковская Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии. Психологические исследования, 2017, 10(56), 1. <http://psystudy.ru>

Стефаненко Т.Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках. В кн.: Трансформации идентификационных структур в современной России. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 11–30.

Фромм Э. [Fromm E.] Бегство от свободы. В кн.: Догмат о Христе. М.: АСТ, 1998.

Эриксон Э. [Erikson E.] Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Юнг К.Г. [Jung C.G.] Психологические типы. СПб.: Ювента, 1995.

Loevinger J. Ego Development: Conceptions and Theories. San-Francisco: Jossey-Bass, 1976.

Tajfel H. Social identity and intergroup behavior. Social Science Information, 1974, 13(2), 65–93. doi:10.1177/053901847401300204

Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. In: S. Worchel, W.G. Austin (Eds.), Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson Hall, 1986. pp. 7–24.

Поступила в редакцию 23 января 2018 г. Дата публикации: 27 апреля 2018 г.

[Сведения об авторе](#)

Полева Наталья Сергеевна. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: npoleva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2209-1217

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Полева Н.С. От идентификации к идентичности. Психологические исследования, 2018, 11(58), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Полева Н.С. От идентификации к идентичности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обратился к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1549-poleva58.html>

[К началу страницы >>](#)